

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

- I. Mankovsky.** Institutional matrix as a system-forming basis for socio-economic development..... 6
- A. Chernobay.** The genesis of project methodologies: the impact of philosophical paradigms on the formation of approaches to project management..... 18

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

- E. Evdokimova, E. Kamchatova.** Development of practice of formation and evaluation of portfolio of innovative projects of enterprises34
- K. Erina.** Management of transformational processes of an educational product in the digital space (on the example of additional professional education)45
- Zheltenkov A. V., Vasilyeva I. A., Kurilenko A. A.** Digital innovative solutions in the field of capacity planning of a production enterprise.....57
- E. Kozlova.** Hr audit: how to identify critical processes and organize an audit68
- R. Kolesnikov.** Tools for stimulating the innovative development of the russian machine tool industry76
- L. Korshunova.** Modern business model of an electronic industry enterprise in the conditions of transition to a recycling economy84
- M. Makarenko, F. Kravchenko, T. Chernishenko.** Study of trends in the effective development of mariupol seaport.....96
- A. Solodilov, F. Zaitcev.** Topical problems in the state regulation of the labor market (on the example of moscow region) 112

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.341.2

DOI: 10.18384/2949-5024-2024-1-6-17

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Маньковский И. А.

*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Минский филиал
220070, г. Минск, ул. Радиальная, д. 40, Республика Беларусь*

Аннотация

Цель. Определить совокупность конституирующих (системообразующих) институтов, которые выступают в качестве основы функционирования российского общества, обеспечивают сосуществование российского народа на единой территории и составляют содержание институциональной матрицы в рамках российского институционализма.

Процедура и методы. Теоретическую основу исследования составили научные труды, выполненные в области экономической теории, социологии, культурологии. В ходе исследования применены следующие научные методы: сравнительный анализ, индукция, дедукция.

Результаты. В ходе исследования установлено, что системообразующую основу российского общества составляют три подсистемы: духовно-идеологическая, политическая, экономическая. Указанные подсистемы выступают в качестве структурных элементов институциональной матрицы России и в совокупности определяют условия социально-экономического развития России. В структуре институциональной матрицы между составляющими её подсистемами установлена следующая иерархия: духовно-идеологическая подсистема определяет форму государства, политическая подсистема посредством формальных институтов определяет условия экономического развития, экономическая подсистема обеспечивает материальную основу существования государства и общества в рамках, установленных политической системой.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основании проведённого исследования установлено, что в рамках российского институционализма институциональную матрицу, выступающую в качестве системообразующей основы социально-экономического развития, необходимо рассматривать не как совокупность формальных правил и неформальных ограничений, совокупность базовых институтов, регулирующих основные общественные сферы, а как совокупность трёх подсистем российского общества: духовно-идеологической, политической, экономической. Непосредственно три указанные подсистемы определяют форму государства, нормативно задают условия осуществления экономической деятельности на территории России, обеспечивают материальную основу функционирования государства и общества. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие теории институционализма.

Ключевые слова: духовно-идеологическая подсистема, институциональная матрица, менталитет, неформальные институты, политическая подсистема, формальные правила, экономическая подсистема

© СС BY Маньковский И. А., 2024.

INSTITUTIONAL MATRIX AS A SYSTEM-FORMING BASIS FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

I. Mankovsky

*Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, Minsk branch
ul. Radialnaya 40, Minsk 220070, Republic of Belarus*

Abstract

Aim. Determine the totality of constitutive (backbone) institutions that act as the basis for the functioning of Russian society, ensure the coexistence of the Russian people on a single territory and constitute the content of the institutional matrix within the framework of Russian institutionalism.

Methodology. The theoretical basis of the study was made up of scientific works carried out in the field of economic theory, sociology, cultural studies. In the course of the study, the following scientific methods were applied: comparative analysis, induction, deduction.

Results. The study found that the system-forming basis of Russian society consists of three subsystems: spiritual and ideological, political, and economic. These subsystems act as structural elements of Russia's institutional matrix and together determine the conditions for Russia's socioeconomic development. In the structure of the institutional matrix, the following hierarchy is established between its constituent subsystems: the spiritual and ideological subsystem determines the form of the state, the political subsystem determines the conditions for economic development through formal institutions, the economic subsystem provides the material basis for the existence of the state and society within the framework established by the political system.

Research implications. On the basis of the conducted research it has been established, that within the framework of Russian institutionalism the institutional matrix, acting as a system-forming basis for socio-economic development, it is necessary to consider not as a set of formal rules and informal restrictions, a set of basic institutions that regulate the main social spheres, but as a set of basic institutions that regulate the socio-economic development.

the main public spheres, but as a set of three subsystems of Russian society: spiritual-ideological, political, economic. Directly these three subsystems determine the form of the state, normatively set the conditions for economic activity on the territory of Russia, and directly determine the form of the state, conditions of economic activity on the territory of Russia, provide the material basis for the functioning of the state and society.

The results of the study make a certain contribution to the development of the theory of institutionalism.

Keywords: spiritual and ideological subsystem, institutional matrix, mentality, informal institutions, political subsystem, formal rules, economic subsystem

Введение

Проблемы социально-экономического развития волновали людей весь период существования человечества. Вопрос о том, каким путём развиваться национальной экономике, как обеспечить устойчивый экономический рост в долгосрочной перспективе, актуален и сегодня, о чём свидетельствуют многочисленные научные публикации.

Одной из основных задач при выборе направления экономического развития и способов достижения поставленных целей является разработка эффективной стратегии развития национальной экономики, соответствующей выбранной экономической политике государства. Как в процессе определения экономической по-

литики, так и в ходе разработки стратегии экономического развития необходимо, в первую очередь, разрешить ряд принципиальных вопросов:

- какой тип экономики предполагается развивать: рыночную, плановую или смешанную;

- какую стратегию выбрать: догоняющего или опережающего развития;

- что будет являться основой новой экономической политики: рецепция, например, западноевропейской или североамериканской экономической политики либо разработка национальной экономической политики, исходя из потенциала природных ресурсов России, особенностей её государственного и политического устройства, имеющегося человеческого капитала, целевых приоритетов, менталитета российского народа, фактических возможностей экономических агентов, государственного менеджмента, целевых функций и уровня личного протекционизма администраторов развития. В частности, преобладание у администраторов развития частной целевой функции, как правило, перевешивает их стремление по извлечению статусной ренты и улучшению своих личных возможностей над стремлением администраторов как публичных акторов по надлежащей реализации государственной экономической политики;

- при выборе смешанной экономики необходимо определить степень вмешательства государства в регулирование, в первую очередь, частного сектора национальной экономики, что является одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов;

- необходимо определить допускаемую государством степень участия частного сектора национальной экономики в процессе выработки государственной экономической политики и последующем управлении экономикой;

- разработать механизмы стимулирования частной предпринимательской инициативы и повышения инвестиционной привлекательности, которые будут заложены в новую экономическую политику. Как отмечает Р. Коуз, «поскольку сплошь и рядом люди предпочитают делать то, что, по их мнению, соответствует их собственным интересам, чтобы изменить их поведение в сфере экономики, нужно их заинтересовать» [10, с. 32];

- определить экономическую теорию, которая составит научную основу новой экономической политики. В современных условиях государственного управления, основанного на тотальном правовом регулировании практически всех значимых для государства общественных отношений, в процессе выбора применимой экономической теории необходимо отдавать предпочтение теории, применяющей междисциплинарный научный подход в процессе экономического анализа, что позволит учесть различные аспекты общественного взаимодействия.

В любом случае необходимо понимать, что процесс трансформации экономической системы, включая переход экономики на следующий технологический уклад, несомненно обусловлен структурными изменениями, а эффективность трансформации поставлена в зависимость от существующей в государстве совокупности институтов, составляющих основу социально-экономического развития.

В процессе разработки и реализации новой экономической политики необходимо учитывать, что экономическая система любого государства представляет собой сложный социальный организм, обладающий присущими только ей индивидуальными качествами, обусловленными, согласно утверждению С. Г. Кирдиной, институциональной матрицей государства, понимаемой как «... устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [7, с. 67].

Понятие «институциональная матрица» было введено в научный оборот К. Поланьи, применившим в т. ч. термин «редистрибутивная (распределительная) экономика» [13]. Термин получил дальнейшее развитие в исследованиях Д. Норта. В частности, в известной работе Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» понятие «институциональная матрица» раскрывается как, иерархия юридических правил; комплекс взаимозависимых правил и неформальных ограничений; формальные правила и неформальные ограничения [11, с. 86-173].

Институциональная матрица в исследованиях С. Г. Кирдиной

Взяв за основу подход к определению институциональной матрицы Д. Норта, С. Г. Кирдина определяет институциональную матрицу как «... исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих... функционирование основных общественных сфер». Понятие «базовый институт», обладающий, по мнению Кирдиной, регулирующим воздействием на «основные общественные сферы», т. е. на три подсистемы российского общества, раскрывается автором в следующих значениях: редистрибуция; федеративно-территориальное устройство, самоуправление и субсидиарность, выборы, многопартийность и демократическое большинство, судебные иски; коллективизм, эгалитаризм, порядок; свобода; институт обращений по инстанциям, институт судебных исков [7, с. 115, 167, 188, 193, 194, 205, 295, 370].

На основании анализа определения институциональной матрицы и контекста, в котором Кирдиной применяется словосочетание «базовый институт», можно сделать вывод, что, во-первых, институциональная матрица представляет собой совокупность базовых институтов и, во-вторых, что эта совокупность институтов оказывает регулирующее воздействие на функционирование трёх сфер общественной жизни или подсистем общества: экономической, политической, идеологической (духовно-идеологической), – т. е., исходя из того, что в большинстве классификаций, как отмечалось выше, выделяют три подсистемы общества, на развитие общества в целом.

Кирдина в качестве базовых институтов называет отдельные группы общественных отношений, возникающих на основании как принятых правовых норм (например, федеративное территориальное устройство, самоуправление, многопартийность, выборы, судебные иски, конкуренция), т. е. на основании системы права, выступающей в целом в качестве структурного элемента политической подсистемы общества, так и отношений, возникающих на основании сложившихся в обществе духовно-идеологических ценностей, норм морали, менталитета населения (например, коллективизм, эгалитаризм, свобода, индивидуализм, интегрализм-холизм-континуальность), т. е. элементов духовно-идеологической подсистемы общества.

В этой связи возникает вопрос, как элементы подсистемы (базовые институты) могут оказывать регулирующее воздействие на функционирование подсистемы в целом (экономической, политической и идеологической общественных сфер), если к признакам системы в целом и, соответственно, подсистемы как части системы относят множество взаимосвязанных элементов системы, образующих единство, подчинённых главной цели¹.

¹ Понятие система и подсистема // StudFiles: [сайт]. URL: <https://studfile.net/preview/3536997/>.

Институциональная матрица в исследованиях Д. Норта

Д. Норт определяет понятие «институциональная матрица» не приводится, но на основании анализа приведённых цитат можно с уверенностью утверждать, что в нортской интерпретации под институциональной матрицей следует понимать совокупность «формальных правил» и «неформальных ограничений».

Под формальными правилами применительно к российской действительности, по нашему мнению, следует понимать систему российского права (совокупность отраслей права и законодательных массивов), т. е. совокупность правовых норм, регулирующих различные сферы общественного взаимодействия, включая сферу производства, обмена и потребления материальных благ, а также систему российского законодательства, выступающего в качестве средства внешнего выражения формальных правил (доведения их до сведения экономических агентов) и единственного источника права в романо-германской правовой семье.

Наш подход к определению нортских формальных правил обусловлен тем, что система права, и система законодательства в своём единстве и взаимообусловленности применяются политической элитой в процессе государственного управления социально-экономическим развитием, являются структурными элементами политической подсистемы российского общества, которая не предусматривает других средств государственного регулирования общественных отношений. В качестве неформальных ограничений (норм поведения), по нашему мнению, необходимо рассматривать деловые обычаи, обыкновения, обычно принятое в обществе поведение, сложившуюся в обществе мораль, степень имманентного обществу правового нигилизма, подсознательно допускаемый обществом уровень коррупции, существующие в обществе неформальные критерии отбора на вакантные должности (например, кумовство, клановость), культурные традиции, т. е. элементы, составляющие духовную подсистему российского общества.

Таким образом, формальными могут быть признаны правила поведения, разработанные специально уполномоченными государственными органами в процессе осуществления ими нормотворческой и законотворческой деятельности, закреплённые в нормативно-правовых актах, исполнение которых поддерживается принудительной силой государства. К неформальным правилам поведения относятся сложившиеся в обществе, но не нашедшие официального закрепления в нормативно-правовых актах и, следовательно, не обеспеченные принудительной силой государства стереотипы поведения членов общества, нарушение которых вызывает моральное осуждение (общественное порицание, остракизм).

Классификация правил или норм поведения на нормы права (формальные правила) и нормы морали (неформальные правила) для науки в целом не является новой и применяется юриспруденцией, этикой, философией.

Нормы права и нормы морали в своём единстве и взимобусловленности обеспечивают заданное государством функционирование общества как системы.

На основании изложенного можно констатировать тот факт, что на развитие экономической подсистемы российского общества непосредственное влияние оказывают формальные правила (нормы права, формализованные в нормативно-правовых актах), выступающие в качестве структурного элемента политической подсистемы российского общества, и опосредованное – неформальные правила, входящие в состав духовно-идеологической подсистемы.

Учитывая тот факт, что система права в совокупности с системой законодательства входят в состав политической подсистемы, в рамках которой выступают в качестве средства государственного управления, применяемого уполномоченными

ми государственными органами и вне связи с государственным блоком политической системы и выбранной государственной политикой не существуют, в качестве структурного элемента институциональной матрицы необходимо рассматривать не отдельно формальные правила как элемент политической подсистемы, а политическую подсистему в целом.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении упоминаемых Нортон неформальных правил, составляющих наряду с культурой, наукой, идеологией, религией духовную (духовно-идеологическую) подсистему российского общества.

На основании изложенного можно сделать вывод, что политическая и духовно-идеологическая подсистемы российского общества в своём взаимодействии и взаимобусловленности выступают специфическими формами «... духовной жизни людей, их мировоззренческой, профессиональной и нравственной культуры...» [2, с. 20].

Таким образом, нортовские формальные и неформальные правила, составляющие институциональную матрицу, в рамках российской институциональной экономической теории следует рассматривать как политическую и духовно-идеологическую подсистемы (сферы жизни) российского общества, оказывающие регулирующее воздействие на участников общественных отношений, развивающихся в рамках экономической подсистемы. В свою очередь, объективные законы экономического развития требуют от политической подсистемы общества принятия соответствующих политических решений и их формализации в нормативно-правовых актах, что указывает на определённое взаимное влияние экономической подсистемы общества на его политическую подсистему.

Западная и восточная модели социально-экономического развития

Разработанная Кирдиной теория институциональных матриц основывается на том, что «... в структуре общества устойчиво доминирует, как правило, одна из двух институциональных матриц либо X-, либо Y-» [8, с. 8] типа, состоящая из базовых институтов (институциональных комплексов), т. е. либо западная, либо восточная модель, противопоставленные друг другу по содержанию составляющих их институциональных комплексов, обеспечивающих жизнедеятельность общества в экономической, политической и идеологической сферах.

Западные и восточные модели институциональных матриц отличаются содержанием входящих в их состав институциональных комплексов (базовых (конституирующих) институтов). Для западных институциональных моделей (Y-матрица) характерны институты рыночной (капитализированной) экономики, федеративная политическая структура и идеология, основанная на индивидуализме (приоритете личных интересов над интересами общества). Восточные институциональные модели (X-матрица) основаны на редистрибутивной экономике, централизованной структуре политической системы и идеологии, ставящей общественное над личным [8, с. 79]. Таким образом, две, по сути, противопоставленные модели развития общества, согласно теории, разработанной Кирдиной отличаются:

- *преобладающей формой собственности* на средства производства: частная форма собственности в западной модели; государственная – в восточной модели;
- *способами управления экономикой*: рыночная экономика, развитый частный сектор, конкурентное ценообразование, основанное на рыночных отношениях, относительно пассивная роль государства в регулировании экономических отношений, свободный и относительно равный доступ к ресурсам для всех участников экономических отношений в западной модели; централизованное (адми-

нистративно-командное) управление, основанное на жёсткой вертикали власти, распределении ресурсов сверху вниз, активное государственное вмешательство в экономическую деятельность, недостаточно развитый частный сектор экономики в восточной модели;

- *устройством политического управления*, основанного на демократических принципах формирования органов государственной власти, т. е. посредством реализации гражданами равного избирательного права, активном участии граждан в управлении государством, фактической ничем не ограниченной многопартийности, достаточном уровне контроля общества над деятельностью органов государственного управления в западной модели; основанного на «захвате» власти политической элитой, квазидемократии, формальных выборах органов государственного управления, отсутствии реальной многопартийности, низком уровне контроля общества над деятельностью органов государственного управления в восточной модели.

В соответствии с выводами, полученными Кирдиной, в Российской Федерации доминируют институты X-матрицы, что в целом подтверждается значительной долей государственной собственности «в таких отраслях российской экономики, как коммунальное хозяйство, добыча полезных ископаемых, транспорт, финансы, производство электроники и оборудования»¹. Вместе с тем, согласно Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (далее - Конституция), Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления, признающим равенство частной и государственной форм собственности, обладающим одним из самых больших в мире запасов природных ресурсов, значительным по мировым меркам объёмом трудовых ресурсов. В качестве значимых проблем национальной экономики России в т. ч. называют недостаточную эффективность государственного управления, низкий уровень конкуренции, ограничивающие экономический рост инфраструктурные рамки и в целом проблемы эффективности экономического роста [3, с. 47-48].

Согласно обоснованному утверждению К. Н. Лебедева и А. А. Марчук, содержание составляющих институциональную матрицу институциональных комплексов оказывает непосредственное влияние на жизненный цикл технологического уклада.

Смена технологических укладов обусловлена необходимостью разработки на уровне государства соответствующей научно-технологической политики, выступающей составной частью социально-экономической политики государства, разрабатываемой политической элитой общества в соответствии с реализуемой в государстве идеологией. Следовательно, смена технологического уклада обусловлена институциональными изменениями, выступающими в качестве институциональной основы перехода экономики на новый технологический уклад, а «... главным генератором институциональных изменений выступает орган управления, перманентно корректирующий всю систему правил (формальных институтов)» [12, с. 9].

Изложенное свидетельствует об определяющем влиянии политической подсистемы на процесс разработки стратегии социально-экономического развития. Вместе с тем сформированная в государстве политическая система, установленные принципы политической организации общества обусловлены, по нашему мнению, менталитетом российского народа, способом общественного взаимодействия, сложившимся на протяжении исторического развития российской культуры, т. е. не-

¹ Государства в экономике не много, а очень много // Морские вести России : [сайт]. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1691/79026/> (дата обращения: 15.10.2023).

формальными правилами или элементами духовно-идеологической подсистемы российского общества. Непосредственно менталитет народа, сформированная гражданская культура, сложившиеся в обществе традиции оказывают решающее влияние на содержание политической и, как следствие, экономической подсистем.

Определяющее влияние менталитета народа на социально-экономическое развитие подтверждается, например, уровнем коррупции, которая, как социальное явление в ряде стран осуждается и существует как латентное явление, а в ряде стран в рамках неформальных отношений, сложившихся в обществе, воспринимается населением как необходимый традиционный элемент взаимодействия граждан с чиновниками.

Например, такие страны Латинской Америки, как Никарагуа, Гондурас, Венесуэла, ежегодно признаются самыми коррумпированными в мире [9, с. 620], а Дания, Финляндия, Новая Зеландия, Норвегия, Сингапур, Швеция, Швейцария, Нидерланды, Германия, Ирландия и Люксембург занимают лидирующие рейтинги в Индексе восприятия коррупции¹.

Наиболее высокий уровень коррупции в 2022 г. зафиксирован в государствах Африки и Ближнего Востока: Сомали, Сирия, Южный Судан, Венесуэла, Йемен, Ливия, КНДР, Гаити, Экваториальная Гвинея и Бурунди².

В этой связи возникает вопрос: почему в странах Азии, Африки и Латинской Америки уровень коррупции традиционно высокий, а в европейских странах традиционно низкий. С одной стороны, ответ на этот вопрос можно найти в исследовании Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные», утверждающих, что причины богатства и бедности разных стран, в т. ч. и уровень коррупции, обусловлены существующими в этих странах экстрактивными или инклюзивными институтами [1], что применительно к настоящему периоду развития цивилизации вполне обоснованно. Однако в этой связи возникает второй вопрос, почему в одних странах установлены инклюзивные институты, на основе которых получило развитие гражданское общество и демократические принципы управления, а в других – экстрактивные институты и, соответственно, квазидемократия.

Вывод напрашивается сам собой – причины в содержании духовно-идеологической подсистемы общества, его религии, в т. ч. степени вовлечённости населения в религиозные культы, сложившиеся за многовековую историю развития народа устои совместного сосуществования, исторически сложившиеся и веками поддерживаемые традиции.

Примером влияния менталитета народа, его самобытной культуры на общественные отношения может служить Российская Федерация, на территории которой в рамках единого федерального законодательства, т. е. в рамках единых формальных институтов, складывающиеся общественные отношения, в т. ч. в сфере экономики, на рынке труда и другие общественные отношения по регионам существенно различаются. Так, различное отношение к родственным связям у жителей европейской части России и жителей Кавказа, где «... по-прежнему сложная, многофункциональная социальная структура. В кланах и патронимиях выделяются самые старшие по возрасту мужчины. Вместе с тем существуют реальные главы кланов и патронимий. Непререкаемым остается авторитет отца – главы семейства

¹ Опубликован индекс восприятия коррупции за 2022 год // anticor.hse : [сайт]. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_vospriyatija_korruptsii_za_2022_god (дата обращения: 15.10.2023).

² В каких странах мира была самая высокая коррупция в 2022 году: исследование // myfin: [сайт]. URL: <https://myfin.by/stati/view/belarus-opustilas-srazu-na-devat-mest-v-indekshe-vospriatia-korruptcii> (дата обращения: 15.10.2023).

<...>. При заключении брачных союзов по-прежнему дает о себе знать сословный принцип...» [6, с. 100-102]. Все перечисленные порядки безусловно сказываются, например, на развитии трудовых отношений, в т. ч. при конкурсном оборе, продвижении по карьерной лестнице, а менталитет в целом разных народов России – на их взаимодействии в рамках экономических отношений.

В государствах с развитой клановой системой подбор кадров на высшие государственные должности осуществляется, не исходя из принципа меритократии, а по принципу политических назначений, руководствуясь стратегией личного протекционизма. При этом в европейской части России подобные неформальные отношения, основанные на кровнородственных узах, являются латентными.

В XXI в. под кланами понимают не только объединения людей на основе кровнородственных уз, а в т. ч. и мафиозные структуры, кланы чиновников, бизнесменов, финансовую олигархию, экономическую и политическую элиты, т. е. группы лиц, объединённых не родственными связями, а политическими или экономическими интересами, что присуще европейским государствам [5]. Однако степень влияния кланов, основанных на кровнородственных узах, и кланов, созданных по группам интересов, на политическое и, как следствие, социально-экономическое развитие общества различна. Если в обществах с выраженной кровнородственной клановостью страной открыто управляет клан, получивший доступ к государственной власти и, опираясь на созданный кланом аппарат государственного принуждения, игнорирующий принципы демократического управления и основные права граждан, то в современных демократиях кланы-команды, объединённые по принципу совместной деятельности (политика, государственное управление, экономика и т. п.), существуют растворившись в обществе. Кланов-команды оказывают влияние на принятие управленческих решений, но делают это в рамках демократической процедуры, не противопоставляя себя обществу [4].

Таким образом, можно констатировать, что сформировавшийся за весь период существования нации, народа, народности, социальной или этнической группы менталитет, как совокупность ума, культуры, ценностных ориентиров, эмоциональных особенностей оказывает существенное влияние на предпочтения населения страны проживания в сфере политического развития и, применительно к сложившейся в мире системе государственного управления, через политическую систему – на экономическое развитие.

Учитывая тот факт, что современное российское общество является социальной системой, необходимо в рамках институциональной экономической теории выделить системообразующие (конституирующие) институты, составляющие систему и выступающие в качестве основы её функционирования, определить место каждого из институтов в системе, установить степень их влияния на развитие друг друга и функционирование системы в целом.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в качестве системообразующей основы российского общества выступают три подсистемы:

- духовно-идеологическая подсистема, определяющая систему управления обществом на основании сложившихся у социальной общности за весь период её существования представлений об общественном устройстве, общем укладе жизни, способах и принципах коллективного взаимодействия, сложившегося массового сознания, поведения, культуры, выработанной за весь период политической истории социальной общности политической культуры. Духовно-идеологическая

подсистема определяет политическую организацию (устройство) общества, совокупность и принципы взаимодействия государственных и негосударственных институтов общества, форму государства, т. е. оказывает непосредственное влияние на формирование политической подсистемы;

- политическая подсистема, представляющая собой совокупность политических институтов, в качестве которых выступают органы государственного управления, политические партии, иные общественные объединения и граждане, в совокупности участвующие в политическом процессе, реализующие политические функции общества и осуществляющие, в пределах, предусмотренных Конституцией и федеральными законами, политическую власть и управление обществом. В процессе функционирования политической подсистемы уполномоченными государственными органами (политическими институтами) разрабатывается экономическая политика государства, принимаются нормы права (формальные институты политической системы), определяющие правила осуществления экономическими агентами экономической (хозяйственной) деятельности, устанавливающими меры государственного воздействия, подлежащие применению к экономическим агентам в случае нарушения установленных правил. Политическая подсистема как совокупность политических институтов определяет направления развития экономической подсистемы;

- экономическая подсистема, представляющая собой совокупность общественных отношений, возникающих по поводу производства, обмена и потребления товаров, работ, услуг на основе использования ограниченных ресурсов, развивающаяся в формальных рамках, устанавливаемых политической подсистемой.

Три указанные подсистемы российского общества в совокупности выполняют возложенные на них специфические функции, реализация которых обеспечивает совместное сосуществование определённой социальной группы в рамках определённой территории и составляют системообразующую основу российского общества или, в рамках институциональной экономической теории, институциональную матрицу.

Таким образом, институциональную матрицу необходимо рассматривать как совокупность трёх подсистем российского общества: духовно-идеологической, политической, экономической, – в совокупности определяющих направление социально-экономического развития России. В указанной триаде содержание духовно-идеологической подсистемы обуславливает выбранную населением форму государства, включающую форму правления, политический режим и форму государственного устройства. Политическая подсистема, сформированная в соответствии с выбранной населением формой государства осуществляет государственное управление, включая разработку и реализацию государственной экономической политики, посредством введения в действие формальных институтов (нормативных правовых актов), регулирующих все значимые сферы общественного взаимодействия, и в первую очередь сферу экономики. Экономическая подсистема в рамках, обусловленных формальными институтами, обеспечивает процесс производства, обмена и потребления необходимых государству и обществу материальных и нематериальных благ, выступает в качестве материальной основы функционирования государства и общества.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2016. 1083 с.
2. Бондарь П. И. Нравственная культура и политика: противоречия советской эпохи // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1. С. 19-31.
3. Воронков Д. Е., Таранова Н. С. Проблемы российской экономики на современном этапе развития, основные пути их разрешения // Перспективы науки. 2018. № 5 (104). С. 47-50.
4. Журавлев Д. А. Клановая структура элит демократического общества // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2021. Т. 11. № 4. С. 43-49.
5. Журавлев Д. А. Клановые механизмы и устойчивость государственности // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 71-85.
6. Историко-культурные традиции народов Северного Кавказа / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2013. 114 с.
7. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X и Y теорию. 3-е изд., перераб. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
8. Кирдина-Чэндлер С. Г. Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1 (2). С. 73-88.
9. Костокрызов П. И. Коррупция в Латинской Америке: цивилизационные аспекты // Актуальные проблемы научного управления государственной политикой Российской Федерации в области противодействия трансформации: сб. науч. трудов по итогам Третьей всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 620-635.
10. Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл., науч. ред. Б. З. Мильнер. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.
12. Сухарев О. С. Институциональные изменения и качество правил в обеспечении экономического роста // Journal of New Economy. 2023. Т. 24. № 1. С. 6-25. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-1-1
13. Polanyi K. The Livelihood of Man. New York: Academic Press, 1977. 280 p.

REFERENCES

1. Ajemoglu D., Robinson J. A. *Pochemu odni strany bogatyje, a drugie bednye* [Why some countries are rich and others are poor]. Moscow, AST Publ., 2016. 1083 p.
2. Bondar P. I. [Moral culture and politics: contradictions of the Soviet era]. In: *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts], 2019, no. 1, pp. 19-31.
3. Voronkov D. E., Taranova N. S. [Problems of the Russian economy at the present stage of development, the main ways to resolve them]. In: *Perspektivy nauki* [Prospects of science], 2018, no. 5 (104), pp. 47-50.
4. Zhuravlev D. A. [The clan structure of the elites of a democratic society]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2021, vol. 11, no. 4, pp. 43-49.
5. Zhuravlev D. A. [Clan mechanisms and stability of statehood]. In: *Sotsialno-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2018, no. 2, pp. 71-85.

6. *Istoriko-kulturnye traditsii narodov Severnogo Kavkaza* [Historical and cultural traditions of the peoples of the North Caucasus]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 114 p.
7. Kirdina S. G. *Institutsionalnye matrity i razvitie Rossii: vvedenie v X i Y teoriiu* [Information technologies and the development of Russia: an introduction to the theory of X and Y]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 468 p.
8. Kirdina-Chandler S. G. [Western and non-Western institutional models in time and space]. In: *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* [Questions of theoretical economics], 2018, no. 1 (2), pp. 73–88.
9. Kostogryzov P. I. [Corruption in Latin America: civilizational aspects]. In: *Aktualnye problemy nauchnogo upravleniia gosudarstvennoi politiko Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviia transformatsii: sb. nauch. trudov po itogam Tretei vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of scientific management of state policy of the Russian Federation in the field of countering transformation: collection of scientific papers on the results of the Third All-Russian scientific conference with international participation]. Ekaterinburg, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 620–635.
10. Kose R. Firm, market and law. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2007. 224 p.
11. North D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutes, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi “NACHALA” Publ., 1997. 180 p.
12. Sugarev O. S. [Institutional changes and the quality of government in the field of economics]. In: *Journal of New Economics*, 2023, vol. 24, no. 1, pp. 6–25. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-1-1
13. Polanyi K. Human livelihood. New York, Academic Press, 1977. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маньковский Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; e-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Mankovsky – Cand. Sci (Law), Assoc. Prof., Deputy Director, Ehe Minsk Branch of Plekhanov Russian University of Economics; e-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маньковский И. А. Институциональная матрица как системообразующая основа социально-экономического развития // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2024. № 1. С. 6–17.

DOI: 10.18384/2949-5024-2024-1-6-17

FOR CITATION

Mankovsky I. A. Institutional matrix as a system-forming basis for socio-economic development. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Economics*, 2024, no. 1, pp. 6–17.

DOI: 10.18384/2949-5024-2024-1-6-17